

На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верещагина и шеф-редактора Владимира Румака отвечает профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» **Леонид Рудольфович СЮКИЯЙНЕН**

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО — ЭТО НЕ ЧАСТЬ РЕЛИГИИ, А САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Родился 21 декабря 1945 г. в Петрозаводске (Карельская АССР).

В 1969 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР по специальности «международные экономические отношения».

С 1971 по 2003 г. работал в Институте государства и права Академии наук СССР (ныне — ИГП РАН).

В 1988 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Мусульманское право: вопросы теории и практики».

С 2003 г. работает в Государственном университете «Высшая школа экономики» (ныне — НИУ ВШЭ).

Профессор департамента теории права и межатраслевых юридических дисциплин факультета права НИУ ВШЭ. Доктор юридических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ.

С 2018 г. по наст. вр. — председатель диссертационного совета по юридическим наукам при НИУ ВШЭ.

Член Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, Научно-консультативного совета при Министерстве юстиции РФ по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма, Экспертного совета Министерства внутренних дел РФ по вопросам нормотворческой работы, Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ.

— **Леонид Рудольфович, Вы являетесь признанным специалистом в области ислама и исламского права. В каких сферах столкновение официально (светского) права и ислама в России ощущается сегодня наиболее остро?**

— Прежде всего это вопросы семейных отношений, которые для ислама являются крайне важными. При этом надо иметь в виду, что в исламе и его основополагающих источниках — в Коране и преданиях о деяниях и высказываниях пророка Мухаммеда — есть целый ряд норм, которые воспринимаются в исламском сознании как установленные Всевышним Аллахом. А раз так, то теоретически земная власть не может их изменить. Кроме того, область семейных отношений, а также некоторых других примыкающих к ней сфер, которые принято называть в исламе «личным статусом» (опека, попечительство, наследование и т.п.), традиционно регулировались в мусульманском обществе нормами, имеющими исламское происхождение

(условно — нормами шариата). И это неудивительно, потому что характерно для других мировых религий, которые рассматривают семейные отношения как продолжение религиозного статуса лица.

Если мы возьмем современные мусульманские страны, то даже в тех из них, которые фактически отошли от шариата, сохраняется влияние ислама в области семейных отношений.

Российские мусульмане тоже чувствительно относятся к таким вопросам. Регулирование семейных отношений в исламе очень отличается от принятых в современном праве стандартов: это касается, например, таких институтов, как полигамия, неравноправный статус мужа и жены, брачный дар, запрет для женщин-мусульманок вступать в брак с немусульманами.

В России эти вопросы стоят остро. В 1999 г. в Ингушетии, например, приняли закон, допускавший полигамию. Он действовал год, пока его не признали неконституционным и отменили. Но в течение этого времени было заключено несколько десятков полигамных браков. Их судьба мне до сих пор неизвестна. Ингушские депутаты пытались внести и в Госдуму законопроект, допускавший полигамию — разумеется, безрезультатно.

В мусульманских аудиториях, перед которыми я выступаю, часто задают вопрос, почему полигамия не разрешена в нашей стране. А некоторые мусульманские религиозные руководители и не скрывают, что находятся в полигамном браке.

Еще один острый вопрос соблюдения мусульманских традиций вставал в связи с ношением хиджаба в школе. Федеральный законодатель ушел от этой проблемы, передав ее на откуп субъектам, и до сих пор в разных регионах по данному поводу придерживаются разных позиций. В Мордовии этот запрет оспаривали в судах, но Верховный Суд РФ в итоге встал на сторону администрации школы.

Хотя в другом вопросе — касательно возможности фотографироваться на паспорт в головном уборе — Верховный Суд в свое время соответствующий запрет признал незаконным, сославшись на то, что право человека на свободу вероисповедания может быть ограничено только федеральным законом.

Время от времени возникает вопрос о шариатских судах. В 2010 г. в Санкт-Петербурге объявили о создании шариатского суда, что вызвало огромный ажиотаж: выступления депутатов, прокурорские проверки и т.п.

Все эти проблемы дремлющие, они периодически возникают, и тут действуют религиозные регуляторы, которым следуют мусульмане. Для глубоко верующих людей это вопросы серьезные, и мы должны относиться к ним с пониманием. Как правило, они разрешаются на эмоциях, и остро не хватает правовой аргументации.

— Не является ли проблемой то, что наш закон чересчур универсален? В Российской империи, например, семейно-брачные отношения являлись предметом регулирования регионов, и в части из них была узаконена полигамия. В СССР всех уравняли, законодательство в данной части сделали однородным, и этот подход унаследовал российский законодатель. Может быть, стоит вспомнить дореволюционный опыт?

— Об этом следует подумать, хотя в России ситуация серьезно отличается от практики мусульманских стран, где полигамия для мусульман официально разрешена и не вызывает никаких проблем с другими конфессиями, которые строят брачно-семейные отношения в соответствии со своими религиозными традициями.

Нужно иметь в виду, что в нашей стране изменение действующей основополагающей нормы об условиях брака, не допускающей полигамию, невозможно без изменения Конституции. Нельзя изменить и регулирование имущественных отношений в регионах традиционного распространения ислама — это прерогатива федерального законодателя.

Для начала нужно использовать хотя бы те возможности, которые уже предоставляет действующее российское законодательство: у нас ведь семейные отношения относятся к совместному ведению Федерации и субъектов. К примеру, возраст брачной правоспособности может устанавливать именно законодательство субъектов РФ, и в ряде регионов он снижен до 14 лет. Но непонятно, почему в других вопросах субъекты РФ в достаточной мере не пользуются этим правом.

Возьмем тот же брачный контракт — он великолепно урегулирован в исламском праве, а в федеральном законодательстве ему посвящено всего лишь несколько статей. Республики с исламскими традициями могли бы грамотно и аккуратно такие пробелы восполнить своим регулированием. Однако они этого не делают.

Может быть, от незнания. Тут ведь встает и кадровый вопрос. Кто будет этим заниматься? Многих ли специалистов по исламскому праву Вы знаете? Я лично знаю одного-двух. Таких специалистов в России единицы.

— Вы упоминали исламское право и шариат. Это не тождественные понятия? Как они соотносятся?

— В литературе сложилось общее мнение, что исламское (или мусульманское) право и шариат одно и то же. Я считаю, что это неточная позиция.

Что такое шариат? Это совокупность заповедей Всевышнего Аллаха, которые он передал людям через своего посланника — пророка Мухаммеда. Как видите, это определение не близко к праву. Шариат — сугубо религиозное явление. Другое дело, что на основе этих догм действительно выросла система норм, которые соответствуют правовым критериям и в строгом смысле могут быть названы исламским правом.

Почему так важно уяснить различие между шариатом и исламским правом? Дело в основном аргументе, который выдвигают против исламского права.

Утверждают, что российская правовая система не может включать религиозных норм. Но исламское право — это не часть религии, хотя исторически оно вышло из положений исламской религии.

Это самостоятельная правовая культура, и обращение к ней означает не восприятие религиозных норм. К примеру, ряд европейских правовых порядков восприняли отдельные нормы исламского права, не восприняв ислама: институт морской аварии, правовое положение военнопленных, институт перевода долга, некоторые другие вещи — вошли в европейское право из исламского, и никто не говорит, что это религиозные нормы.

Поэтому, когда, например, говорят о том, что у нас не может быть шариатских судов, поскольку это религиозные суды, у меня возникает вопрос: это были официальные суды в исламских государствах, а не религиозные структуры. В условиях современной России элементы исламского правосудия могут найти применение, например, в организации и деятельности арбитражных органов. Никакого отношения к религиозным судам они не имеют.

Или возьмем исламские банки, которые работают в Великобритании. Это отнюдь не религиозные учреждения.

Если вы откроете современные учебники по сравнительному правоведению, вы там обязательно найдете главу, посвященную исламскому праву.

Но нужно признать, что в общественном восприятии эти понятия все равно путают, и исламское право часто воспринимают как тождественное шариату. В итоге получается абсурд.

Без уяснения сущности исламского права мы не сможем пользоваться его достижениями как особой правовой культуры. А ведь возможности его адаптации порой выше, чем у других правовых систем.

К примеру, хорошо известно, что институты общего права плохо совместимы с континентальным правом. А исламское право в отдельных своих институтах демонстрирует совместимость и с тем, и с другим: так, на севере Африки оно оказалось совместимым с французским правом, а в Индии — с английским.

— Можно ли сказать, что исламское право в немусульманских странах приобретает черты мягкого права?

— Частично Вы правы. Но тут нужно сделать несколько серьезных замечаний. Дело в том, что исламское право, регулирующее брачно-семейные отношения, действует и за пределами мусульманских стран — там, где есть заметные мусульманские сообщества.

В Израиле, например, мусульмане легально оформляют брачно-семейные отношения по исламскому праву. И в Иерусалимском университете готовят в том числе

шариатских судей, которые рассматривают споры по исламскому праву. То же самое можно сказать об Индии, ЮАР и целом ряде других немусульманских государств.

В Великобритании исламское право стороны могут выбирать в качестве применимого в рамках Закона 1996 г. об арбитраже при регулировании некоторых отношений, в том числе по вопросам имущественных споров и брачно-семейных отношений. Такие суды не нужно путать с неофициальными шариатскими судами, которые также существуют в Великобритании и выносят неправомерные решения, руководствуясь, например, принципом неравноправия мужчин и женщин, принципом талиона и пр. Это суды нелегальные, в то время как есть 4–5 шариатских судов, которые действуют вполне легально в качестве третейских судов.

В экономике, кроме исламского банкинга, распространено также применение исламского права в страховании, отдельных видах ценных бумаг, таких как сукук, которые применяются в целом ряде стран. Соответствующие нормы прекрасно встроились в то же английское право.

К примеру, ипотека по исламскому праву предполагает заключение двух договоров, а по английскому законодательству каждая сделка в отношении недвижимости — основание для налогообложения. Но британские суды в итоге пришли к тому, что, если будет доказано, что сделка подчинена исламскому праву, налог платится единожды. То есть даже в таких чувствительных фискальных интересах правовая система Великобритании проявила гибкость.

Думаю, это хороший пример того, как правовые возможности исламского права могут быть востребованы в неисламских государствах. Принципиальную совместимость как с общим, так и с континентальным правом такие институты исламского права уже доказали.

Проблема в том, что «шариат» у нас воспринимают не как правовое, а как политическое явление. Любое обсуждение вопросов шариата у нас, к сожалению, проходит через призму брани религиозного фанатизма.

— А есть ли разница между пониманием институтов исламского права в мусульманских и немусульманских странах?

— Естественно. Любые взгляды на правила поведения складываются исходя из традиций, утвердившихся в том или ином обществе. Я часто бываю в мусульманских странах и знаю, насколько чувствительны бывают вопросы, связанные с отношением к женщинам со стороны мусульман. И мы часто не задумываемся о таких вещах. Например, в этих странах не принято даже просто обращаться к незнакомой женщине без крайней необходимости, поскольку такое поведение мужчины потенциально может затронуть ее достоинство.

При этом нормы исламского права способны проявлять определенную гибкость и подвижность. В той же Турции, которая, безусловно, относится к числу мусульманских стран, запреты в отношении поведения женщин уже не столь строгие, как, например, в Саудовской Аравии.

Или взять ношение хиджаба женщинами: в большинстве мусульманских стран это уже воспринимается не как строгая норма, а, скорее, как некий обычай, и ношение европейской одежды не вызывает серьезных возражений.

Другое дело, что есть очень стойкие религиозные традиции, которые существенно влияют на поведение людей. Мне кажется, что отношение права к таким обычаям должно быть лояльным, если они не нарушают чьих-либо прав, не порождают дискриминации и тому подобных противоправных последствий.

Нас ведь не раздражает ношение платка православными женщинами. Почему же ношение хиджаба в публичных местах порождает такие жаркие споры?

— В случае с ношением хиджаба в школах конфликт встал особенно остро, ведь под угрозой было право на образование. Как Вы относитесь к аргументации судов, которые поддержали такие запреты на основании того, что школа — это светское заведение, в котором недопустимо ношение религиозной одежды?

— Вопрос очень неоднозначный. Даже в Европе отношение к нему разнится от страны к стране.

Сейчас его решают на уровне школ. Нужно понимать, что в случае такого запрета некоторые мусульманские дети будут лишены возможности ходить в школу.

— А сама по себе религиозная норма по ношению хиджаба является абсолютной? Не может ли ислам здесь проявить гибкость?

— Тут тоже нет единства мнений. Большинство мусульманских мыслителей считают, что женщина должна скрывать свою фигуру, кроме овала лица и кистей рук, ссылаясь якобы на изречение пророка Мухаммеда. Но такой взгляд разделяют далеко не все, и споры ведутся вплоть до сегодняшнего дня. При этом в Европе хиджаб однозначно воспринимают как символ религиозной принадлежности со всеми вытекающими последствиями.

Религия в принципе может адаптироваться к таким жестким правилам. Для этого нужно обращаться к современным наработкам исламской правовой мысли. Есть авторитетные исламские ученые, которые считают, что это скорее традиции, а не религиозный долг. Предлагается от них отступить, если в силу строгости законодательства следовать религиозным установлениям сложно. В Коране даже зафиксирована заповедь, об этом говорящая, в переводе на русский язык она звучит так: «...и будьте богобоязненными в той мере, в какой вы можете».

Более того, современная исламская мысль выработала методологию оценки применения религиозных норм через так называемый фикх результатов, когда необходимо задумываться о последствиях их применения.

Если религиозная традиция приводит к выступлению против власти — ислам не призывает следовать ей вопреки нормам закона, поскольку выступление против власти тоже грех.

— А кто осуществляет толкование религиозных норм для российских мусульман? К примеру, в православии такое толкование дает Русская православная церковь, и это централизованная организация. Мусульманские организации в России централизованы?

— Нет, они не централизованы ни в религиозном, ни в организационном отношении. У нас существует

очень много религиозных исламских организаций, но если взять основные мусульманские центры, то в России их три: Центральное духовное управление мусульман с центром в Уфе, которое считает себя правопреемником духовного управления, созданного еще Екатериной II в конце XVIII в.; Духовное управление мусульман Российской Федерации с центром в Москве, созданное в начале 90-х гг. прошлого века; и Духовное управление мусульман Северного Кавказа, представляющее мусульман Северо-Кавказских республик. Между собой они частично сотрудничают, но и частично конкурируют, особенно первые два. Третье же занимает относительно автономное положение, иногда солидаризируясь то с первым, то со вторым, а очень часто отстаивает и отличную от них позицию.

В конфессиональном отношении есть довольно острые конфликты на Кавказе, поскольку там существуют две школы суннитского ислама — шафиитская и маликитская, — которые расходятся между собой по целому ряду вопросов интерпретации мусульманских догм. В Поволжье таких конфликтов намного меньше, так как татары, башкиры и другие мусульманские народы этого региона относятся к единой ханафитской школе.

Отсутствие единого религиозного центра, конечно, не может не накладывать негативный отпечаток на развитие ислама в России. Много сил и энергии уходит на выяснение отношений между собой.

— В российском уголовном праве есть норма об ответственности за оскорбление чувств верующих (ст. 148 УК РФ). В основном ее применение связано с надругательством над православными святынями, и я не слышал ни разу, чтобы мусульмане просили ее применить. В чем причина такого положения дел?

— Я специально не отслеживал случаи ее применения, но на моей памяти таковых тоже не было. В целом я отношусь к этой норме с пониманием, и даже был в составе рабочей группы в Совете при Президенте РФ по правам человека, который обсуждал ее непосредственно перед внесением в Госдуму. В итоге получился компромисс между религиозными и правозащитными организациями. Думаю, что сама идея правильная, но много частных вопросов пока остается без должного понимания. К примеру, что такое светское государство

и где его границы, что такое публичное пространство? Во Франции к подобным нормам шли очень долго, и в результате пришли к довольно четкому регулированию. Мы пока только в начале пути.

Я понимаю это так: если я в храме начну кричать, что Бога нет, а религия — опиум для народа, меня следует привлечь к ответственности по этой статье. Но если я отойду на 200 метров от храма, ничего подобного быть не должно.

— Но ответственность может наступить и в этом случае, если верить тексту закона. В ст. 148 УК РФ предусмотрено несколько составов: наказуемо как оскорбление чувств верующих в местах проведения богослужений, так и просто действия, совершенные в целях оскорбления чувств верующих, без привязки к какому-то месту.

— Я считаю, что это очень сомнительное правило. У нас существует свобода слова, и нет какой-то единой идеологии. В нашем обществе много атеистов, в отношении которых, кстати, религиозные деятели порой довольно жестко высказываются. Более того, в документах РПЦ можно встретить оценку, что атеизм — это самый главный рассадник разврата и греха, а люди неверующие практически не обладают достоинством (во всяком случае, так можно прочесть — якобы достоинство человека неверующего доходит до такого предела, что становится практически невидимым). Почему тогда нельзя дать аналогичные оценки в отношении людей верующих, если ты атеист? Я думаю, что это вполне возможно.

Тем более что ЕСПЧ, юрисдикцию которого мы пока все-таки признаем, четко зафиксировал, что если какое-то мнение (или произведение искусства — вспомним спектакль «Тангейзер») выражается не в храме, а, к примеру, в помещении, предназначенном для театральных постановок, то это не может быть наказуемым деянием. Верующие могут встать и уйти, осудить эти действия, но государство не вправе преследовать за них.

Можно высказываться о системе любых взглядов в любой приемлемой форме, в том числе в форме осмеяния. Вот оскорблять конкретного человека нельзя: верующего, священнослужителя и т.п. Чувства оскорбить в принципе нельзя.

Думаю, что эти шероховатости может сгладить судебная практика.

— С точки зрения этой нормы является ли демонстрация карикатуры на пророка в общественном месте действием, оскорбляющим чувства мусульман?

— Если исходить из ответа, который дали в Европе на это, к примеру по датским карикатурам, считается, что это свобода выражения мнений.

Я бы к этому добавил следующее. Обладать правом и использовать это право — разные вещи. Когда европейцы говорят, что они имеют это право, я с этим не спорю, но добавляю: всегда ли, имея право, нужно его использовать? Нужно задумываться о последствиях. Сколько было случаев в той же Дании или Франции, когда использование этого права в таком ключе приводило к взрыву негодования со стороны мусульман.

— Получается, что это своего рода злоупотребление правом?

— Не совсем. Скорее, это нарушение неких этических норм.

Кроме того, если мы посмотрим те ограничения, которые прописаны в Европейской конвенции, то увидим, что они могут быть оправданы целью избежания беспорядков. И думаю, что в данном контексте ограничение свободы слова вполне оправданно, а публикацию карикатур на пророка я воспринимаю не иначе как провокацию или непрофессионализм со стороны журналистов.

Кстати говоря, в практике Европейского суда по этому поводу было одно решение по иску против Австрии¹. Речь шла о фильме, который явно мог бы оскорбить чувства католиков. В итоге после обращения католиков ЕСПЧ запретил выпуск фильма, сославшись на то, что это может вызвать беспорядки.

— А можно ли говорить об аморальном поведении того, кто демонстрирует оскорбляющую мусульман карикатуру? Это ведь может влиять и на приме-

¹ Решение ЕСПЧ по делу «Отто Премингер против Австрии» от 20.09.1994. — Прим. ред.

нение правовых норм, к примеру влечь смягчение уголовной ответственности в связи с аморальным поведением потерпевшего. И будет влиять ли на оценку поведения такого потерпевшего место, где он демонстрирует карикатуру, например в Ингушетии или Москве.

— Думаю, что в такой постановке проблемы есть своя логика. Но от места совершения такого действия его оценка не должна зависеть: мы единое государство, и правовая оценка должна быть единой в любом регионе России.

При этом мусульмане тоже должны учитывать ценности, которые преобладают в конкретном обществе. И если в нем принято разрешать конфликты правовыми способами, мусульмане должны этому следовать.

— Еще один острый вопрос в сфере соотношения религии и права сегодня состоит в возврате имущества религиозным организациям со стороны

государства. Как и в случае с оскорблением чувств верующих, здесь также основным ньюсмейкером является Русская православная церковь. Неужели для мусульман этот вопрос неактуален?

— Нельзя сказать, что мусульмане не претерпели от советских властей гонений наподобие тех, что претерпела РПЦ, но все-таки эти гонения не были такими тотальными, как в случае с православием.

Поэтому вопрос такой стоит, но дискутируется главным образом в ином ключе. Одна из наиболее популярных тем здесь в последнее время — рассуждения вокруг возврата имущества, составляющего так называемый вакф, т.е. имущества, изъятого из оборота и предназначенного для использования в благотворительных целях. Вакфы были достаточно широко распространены в Российской империи.

Так или иначе, особой остроты для мусульман эта проблема не несет.